

УДК 930.2: 94 (571. 16)

М.П. Чёрная

МЕТОДИКО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ*

Решение проблемы привязки исторических объектов на местности зависит от источников, содержащих пространственную информацию, и методики её прочтения посредством перекрёстного критического анализа письменных, иконографических и археологических данных. Рассмотрены три версии о возможном местоположении Томска в 1604 г. с точки зрения их источник-методической обоснованности. Анализируется несостоятельность гипотез о локализации первоначального Томска на южном мысе Воскресенской горы и на юго-восточном отроге этого мыса. Впервые публикуется авторская версия о вероятном размещении более раннего Томска – 1601 г. – на одном из возвышенных берегов р. Ушайки, в самом её устье.

Ключевые слова: локализация исторических объектов, источники, методика.

Решение проблемы привязки исторических объектов на местности в первую очередь зависит от источников, содержащих пространственную информацию. Специфика отображения действительности в разных видах источников влияет на её восприятие, видение и конструирование исторической картины исследователем. Историк, руководствуясь письменными свидетельствами о географических координатах, указывает местонахождение даже такого крупного объекта, как город, точкой на карте. Задача усложняется, если требуется уточнить расположение города на крупномасштабной карте. Тогда используются чертежи и планы, синхронные объекту или наиболее близкие ему по времени. Но и в этом случае пространственные координаты объекта остаются приблизительными из-за неполноты и нечёткости описаний и низкой геометрической точности карт XVII–XVIII вв. Положение усугубляется изменением во времени как самого города (в размерах, планировке, структуре, составе построек и т.д.), так и ландшафтной ситуации под воздействием природного и/или антропогенного факторов (трансформация водной системы, появление/исчезновение/осушение болот, озёр, ключей, колебания рельефа и т.д.). Особенности письменных и картографических данных ограничивают возможности географической фокусировки исторических объектов, и историк получает весьма расплывчатое пространственное представление о городе.

Археологу, раскапывающему руинированные остатки подлинных городских построек, уже поэтому имеющих точную топографическую привязку, предстоит соотнести обнаруженные объек-

ты с данными, зафиксированными в письменных документах и планах. Археологизированные объекты, локализованные на местности, нуждаются в содержательной атрибуции: установлении времени, назначения, места в общей планировке поселения, социально-экономического статуса владельца постройки и т.д.

Методика атрибуции таких наиболее крупных и информативных памятников, как поселенческие и погребальные комплексы, и их идентификация с имеющимися письменными и иконографическими свидетельствами – актуальная задача современной археологии. Эту задачу и методические принципы идентификации на материалах некрополей сформулировал Л.А. Беляев: «... реконструкция прошлого как род научного эксперимента может сформировать свой инструментарий, опробовать его и, главное, достичь верификации именно в области сравнительно недавней истории, там, где удаётся привлечь надёжные источники всех видов – письменные, иконографические и археологические... – и опробовать методы их перекрёстного критического анализа» [1. С. 424–427; 2. С. 83–86].

Решение проблемы локализации исторического объекта, а именно к ней относится вопрос о первоначальном местоположении Томска, обусловливается как состоянием источниковой базы, т.е. объёмом, репрезентативностью, степенью документированности, так и необходимостью научной критики источника, выводящей нас в область методической аргументированности позиции.

На основе междисциплинарного подхода и перекрёстной критики разнородных источников

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-01-00256/1а

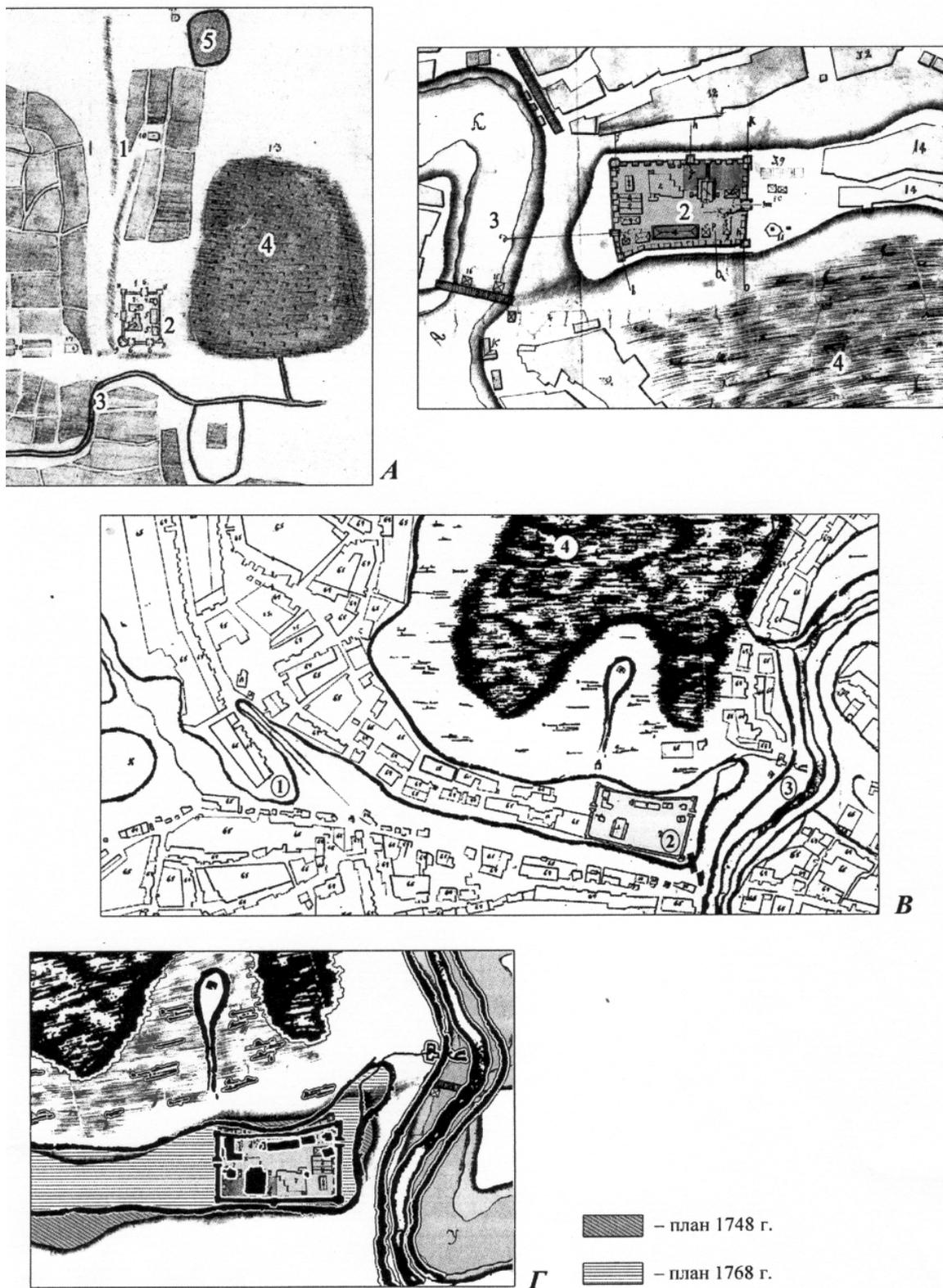

Рис. 1. Планы г. Томска XVIII в.

А – план г. Томска, составленный Второй Камчатской экспедицией 1734–1742 гг. [ААН. Ф. 21, оп. 5, д. 39/14] (север вверху);

Б – фрагмент плана Томска, составленного С. Плаутиным, 1748 г. [РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2218] (север справа);

В – фрагмент плана Томска, составленного П. Григорьевым, 1768 г. [РГВИА. Ф. ВУА, 22677] (север слева);

Г – наложение контуров юго-восточного отрога с планов 1748 и 1768 г.

Обозначение объектов на планах:

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы; *2* – южный мыс Воскресенской горы; *3* – р. Ушайка; *4* – болото; *5* – озеро Белое

автором была, во-первых, доказана несостоятельность традиционной точки зрения о месте основания Томска в 1604 г. на южном мысе Воскресенской горы, где административно-политический, общественный, военно-оборонительный городской центр – кремль – впервые был построен только в 1648 г. [3]; во-вторых, обосновано предположение о первоначальном размещении Томска на северо-западном мысу Воскресенской горы [4].

Дискуссия по вопросу местоположения Томска в первой половине XVII в., как и решение проблемы локализации исторического объекта в целом, должны опираться на определённые методолого-методические положения.

Недопустимо при наличии других данных строить гипотезу о местоположении объекта на единственном письменном или картографическом источнике, как это сделано рядом исследователей [5, 6, 7, 8]). Необходимо репрезентативное сочетание разнотипных источников, дополняющих и коррелирующих друг друга. В случае с Томском базовое значение имеют археологические материалы в силу их точной привязки на местности.

Обязательная научная критика источников с выявлением целей и обстоятельств создания документа и учётом уровня картографии XVII–XVIII вв. позволяет точнее оценить объём и качество информации, содержащейся в источнике. Недооценка отсутствия в источнике важных пространственных ориентиров приводит к неполному или ошибочному видению исторических реалий и, как следствие, неадекватной их реконструкции. Так, в «Росписи Томскому городу и острогу» 1627 г., к которой обязательно прикладывался чертёж (до нас не дошедший), отсутствует ориентация описываемых объектов по сторонам света, а неясности и повторы в описании не допускают однозначного истолкования текста. Поэтому привязка Томска первой половины XVII в. к южному мысу Воскресенской горы, конфигурация города, число и взаиморасположение в нём башен являются не прямым указанием документа, а исследовательской интерпретацией [5]. Некритичное восприятие плана Томска, составленного П. Григорьевым в 1767 (1768) г. (рис. 1, В), послужило причиной появления необоснованной версии о первоначальном размещении города на юго-восточном отроге Воскресенской горы, величина и форма которого якобы определили место города и его трапециевидный план [9. С. 10–11; 6, 7]. Мне уже приходилось коротко писать о неправомерности этой гипотезы [3. С. 85–86, 90].

Здесь отмечу методическую уязвимость обоснования предложенной локализации: при вписывании

города 1604 г. в более подходящий абрис отрога на плане Н. Григорьева не учитываются близкие к нему по времени план Томска, составленный Второй Камчатской экспедицией (1734–1742 гг.), на котором юго-восточный отрог не обозначен вовсе (рис. 1, А), и план С. Плаутина (1748 г.), где этот отрог имеет другую форму и размеры (рис. 1, Б)¹. Сравнение этих планов наглядно демонстрирует присущие им неполноту, неточность, условность, различную степень схематизма и подробностей, разномасштабность, отражающие уровень картографии XVIII в. При наложении планов 1748 г. и 1767 г. открывается несовпадение контуров юго-восточного отрога, рельеф которого, судя по прорисовкам, имел резкие колебания, а верхняя площадка была неровной и шла под уклон (рис. 1, Г). Это означает, что предположение о размещении здесь первоначального Томска утрачивает, по меньшей мере, свою топографическую бесспорность. Следует учесть к тому же, что на отроге, точные очертания которого невозможно восстановить, пытаются разместить город, конфигурация которого на самом деле неизвестна. Трапециевидный/треугольный силуэт Томска первой половины XVII в., воспринимаемый за истинный и за 50 лет ставший привычным, не есть доказанный исторический факт, но только взгляд исследователя, поставившего задачу представить в макете облик города для музейного показа [5]. С момента создания модели города проявилось её несоответствие топографическим реалиям: треугольный план города не вписывался в прямоугольную форму южного мыса Воскресенской горы, часть которого оказалась вне стен города – пустой [5. С. 63, 73]. Поскольку оставить площадку как плацдарм для взятия города было нельзя, её, вопреки данным «Росписи» 1627 г., на макете сначала огородили частоколом. Искусственность конструкции бросалась в глаза. Позднее, чтобы не возникало «неудобных» вопросов,

¹ Предпочтение, отдаваемое плану П. Григорьева [6. С. 128; 8. С. 344] в сравнении с другими источниками, на основании использования инструментальной съёмки «профессиональным топографом» и наличия «масштабной линейки» на плане, обнаруживает незнание исследователями уровня картографии XVIII в. Составители всех названных планов: неизвестный автор из Второй Камчатской экспедиции, И. Шишков, С. Плаутин, как и П. Григорьев, были геодезистами-профессионалами, вели инструментальную съёмку и помещали «масштаб» на планы. Но измерения в XVIII в. делали с помощью мерительной цепи, погрешность возрастала при дальнейшем масштабировании, да и части одного плана могли не совпадать по масштабу. Планы Томска XVIII в. отражают все несовершенства картографии того времени. Так, разница длин стен Томского кремля на этих планах составляет от 2–7 м до 40–80 м [см. об этом подробнее: 3. С. 11–13, 121–128, 147–150]. Полнота и точность карт Томска XVIII в. весьма относительно и ограничены достигнутым уровнем картографических знаний и техники того времени.

«лишнюю» часть мыса на макете убрали. Этот музейный эксперимент наглядно, на примере 3-мерной модели, продемонстрировал методическую ошибочность построения какой бы то ни было реконструкции на единственном источнике, без должной его критики. Замена письменного источника («Росписи») на картографический (план П. Григорьева) не меняет необоснованности такого методического подхода.

Версия о размещении города 1604 г. на юго-восточном отроге Воскресенской горы получила продолжение, согласно которому новый город 1648 г. будто бы построили на южном мысе *внутри стен верхнего острога*. В «Росписи» 1627 г. есть указание на то, что город и острог имели, видимо, одну общую стену: «Стена городовая передняя от острогу», а в ней «ворота из острогу в город» [10. С. 26]. Раз «старый» город якобы занимал юго-восточный отрог, то смежный с ним острог должен был находиться на южном мысе, разрастаясь в северном направлении. Вместе с обрушением склонов южного мыса исчезли и остатки стен острога, поэтому в ходе раскопок они не могли быть обнаружены [7. С. 103, 105, 106].

Эту гипотезу нельзя принять ни с археологической, ни с исторической точки зрения.

Сначала об археологической стороне вопроса. Дело не в изменении формы и размеров южного мыса вследствие не столько осыпания, сколько подрывания его склонов горожанами, а в том, что внутренняя площадь острога, где бы он ни располагался, была плотно застроена усадьбами с разнообразным комплексом построек. За 44 года (с 1604 по 1648 гг.) происходили перестройки, перепланировки, ремонты и т.д., нарастал культурный слой, в котором откладывались овеществлённые следы насыщенной жизни города. Если бы острог с начала XVII в. занимал южный мыс, то сооружения нового города-кремля стояли бы на остатках острожной застройки, под кремлёвскими стенами находились бы пусть не стены острога, но другие объекты. Полное уничтожение предшествующего поселения последующей застройкой невозможно. Намеренное уничтожение ранней застройки также отражается в стратиграфии памятника и «читается» археологом. Обо всём этом написано в [3. С. 30, 31, 84, 85].

Объяснение отсутствия на южном мысе напластований первой половины XVII в. тем, что «юго-восточный мысик, где стояла первая крепость, был бесследно уничтожен» [7. С. 106] никак не согласуется с археологическим контекстом. То же самое относится и к попыткам противопоставить датировке культурного слоя второй половиной XVII в. по изразцам, чернолощёной посуде и монетам письменное упоминание о

завозе в Томск изразцов и сковород в 1616–1640 гг. [7. С. 96]. Завозили, конечно, и даже раньше. Но речь шла об определённых *типах* изразцов и керамики, производство которых начинается в 1640–1660-х гг.

Непонимание неспециалистом специфики археологического контекста и ископаемых источников можно объяснить его некомпетентностью в этой области. Но при анализе хоть отдельных событий, хоть процесса, в который они были втянуты, историк обязан исходить из исторического контекста, учитывать диалектику причинно-следственных связей происходившего. А конкретно-историческая ситуация была такова. 1648 г. – в городе восстание, томский мир раскололся на два лагеря, главного воеводу князя О.И. Щербатова отстранили от власти, а потом посадили под домашний арест, второго воеводу – И. Бунакова выбрали «излюбленным» воеводой. В это же время идёт возведение нового центра – кремля. Городское строительство играло не последнюю роль в обострении обстановки и в разногласиях томичей как по поводу того, как строить (в виде отработочной или денежной повинности), так и по поводу переноса и выбора места под город. В литературе эти события подробно рассмотрены [3, 11, 12].

Утверждать, что город в такой накалённой атмосфере строили на территории жилого острога, – значит, по меньшей мере, абстрагироваться от реальной исторической ситуации, ведь для размещения кремля внутри острога должны были освободить место, т.е. разобрать дома и прочие постройки. Даже опустив вопрос о связанных с этим неизбежных затратах, можно ли согласиться с тем, что томичи безропотно подчинились, чтобы их сняли с обустроенных и обжитых мест? Куда бы их стали выселять? Каким образом они бы заново отстраивали свои дворы в обстановке внутреннего противостояния и постоянной внешней опасности? Очевидно, что при таком сценарии томское восстание утратило бы свой «бескровный» (по определению Н.Н. Покровского) характер. Вне всякого сомнения, имей место факт переселения для освобождения территории под кремль, это вызвало бы шквал жалоб. Однако ничего этого нет в многочисленных челобитных, опубликованных Н.Н. Покровским, хотя там подробно перечисляются прегрешения О.И. Щербатого и его сторонников.

Вряд ли стоит связывать строительство кремля в 1648 г. с обязательной разборкой и переносом на новое место построек из старого города (воеводских хором, соборной Троицкой церкви, съезжей избы, зеленых погребов и пр.) и их сборкой уже в новом кремле [7. С. 99]. Рассуждение о том, что об этом не отложилось никаких письменных свиде-

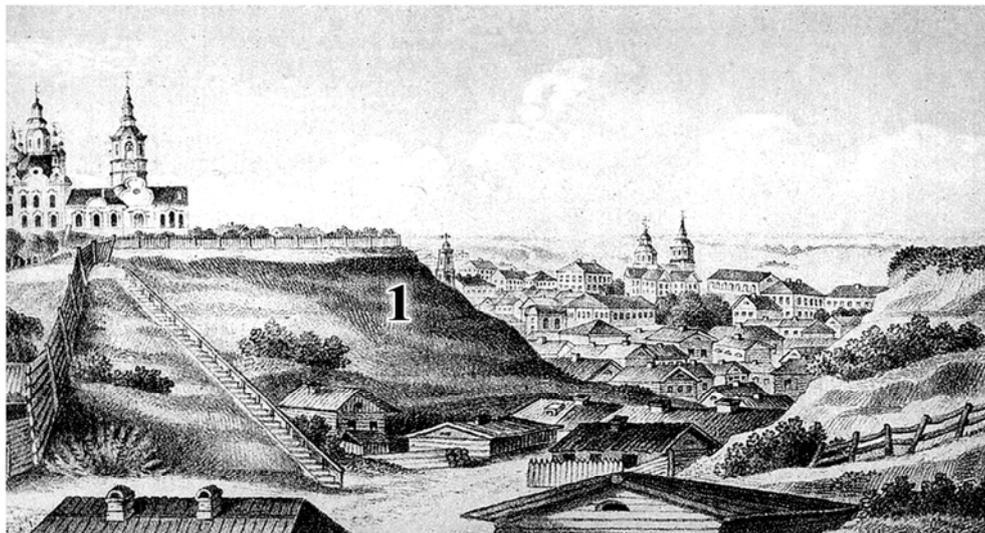

Рис. 2. Вид Томска с гравюры Ю.В. Флека Северо-западный мыс с Воскресенской церковью 1860 гг.
[Томск: история города в иллюстрациях. 1604–2004. 2004, с. 49]

тельств, не может служить доказательством вывода о том, что в стенах верхнего острога начала XVII в. построили в 1648 г. новый кремль или только его стены [7. С. 99, 100, 102, 103].

Во-первых, строительство города на новом месте отнюдь не всегда связано с переносом сюда уже существующих построек: это определялось временными, человеческими, финансовыми ресурсами, физическим состоянием сооружений. К 1646 г. старый город «до остатку сгнил и развалился» [13. С. 97]. Поэтому на постройку кремлёвских стен и башен нужно было заготовить новый строительный материал.

Во-вторых, в 1648 г. в Томске существовали и старый город с полуразвалившимися укреплениями и построенный на южном мысе Воскресенской горы новый кремль. При этом оба центра в ходе восстания были намеренно выведены из гуши событий, правда по-разному: в старом городе сидел взаперти на своём дворе, в полной изоляции и отрешённый от власти князь О.И. Щербатый, и новый кремль в период «разброда и шатаний» не действовал как административная резиденция. Эту функцию выполнял двор казака С. Халдея, расположенный под горой, «на посаде», в нём восставшие устроили съезжую избу. А вот караулы приходилось нести двойные – и на старых и на новых укреплениях, вопреки мнению о том, что это значительно обременило бы казаков [7. С. 99]. Об одном из таких эпизодов сообщает Н.Н. Покровский: в мае 1649 г. из-за военной опасности закрыли двое (Бугровые и Троицкие) из трёх городских

ворот, оставили только Воскресенские, в которые поставили усиленный круглосуточный караул с пищальями; боевые посты направили также на все башни новых городских укреплений [12. С. 312]. Нести двойные караулы, было, конечно, обременительно, но что поделаешь – служба.

В-третьих, территория нового кремля застраивалась постепенно и, видимо, не сразу. Во всяком случае, можно утверждать, что столь важные объекты, как церковь и воеводский двор, были здесь построены спустя годы после возведения ново-кремлёвских укреплений. По грамоте государя Алексея Михайловича было «велено в Томской в новой город перенести старую соборную церковь Троицы Живоначальные... А будет той старой церкви в новой город за ветхостью перенест нельзя... велено в Томском в новом городе соборную церковь воздвигнуть новую... И... по государеву указу... на церковное строение... изготоя лес, в новом Томском городе соборную церковь во имя Троицы Живоначальные... устроили... во 162 году новую...»¹. Таким образом, только в 1654 г. в кремле появляется и начинает действовать соборная церковь. Из текста документа явствует, что в новый город не стали переносить старую церковь в виду её ветхости, а построили церковь заново из заготовленного леса. Воеводская «Отписка» фиксирует факт переноса соборной церкви на новое

¹ Отписка томских воевод Н. Нащокина и А. Болтина «о строеньи новой церкви» давно введена в научный оборот [14. С. 122; 15. С. 87–93; 16. С. 29–33, 42]. Полная публикация сделана В.Н. Куриловым [15. С. 91–93].

место в кремль, хотя прежнее её местоположение, как и старого города, в котором она, возможно, находилась, остаётся неясным. Троицкая церковь, судя по письменным сведениям, действительно функционировала примерно с 1606 г. без перерывов [17]. Но в документах нет данных, позволяющих установить её первоначальное размещение вплоть до 1654 г., когда она была перенесена (заново отстроена) в новом кремле.

Нет документальных оснований считать, что воеводский дом находился в новом кремле с начала его постройки [7. С. 102]. Опубликованные Н.Н. Покровским источники не содержат этой информации. Последний описывает ситуацию, когда О.И. Щербатый отказывается выполнить требование новых воевод, приехавших в 1649 г. ему на смену, очистить для них двор, т.к. опасается, что И. Бунаков со своими сторонниками убьют его: «я... из двора не еду, да ит[т]и не уметь, а итить мне на смерть» [12. С. 320]. В цитируемых источниках нет точной привязки воеводского двора ни к старому, ни к новому городу, тем более указаний на то, что его якобы «изначально построили на южном мысе Воскресенской горы и нигде иначе» [7. С. 102]. Это не более, чем интерпретация описанной ситуации через призму исследовательской гипотезы.

Хронология строительства воеводской усадьбы, как и годы томского воеводства князя О.И. Щербатого, восстановлены мной по опубликованному письменным данным [3. С. 102]. Коротко опишу ход событий.

В челобитных томских посадских и крестьян, жалующихся на притеснения и обиды со стороны воеводы, указаны точные сроки строительства воеводского двора – с 1 сентября по 25 декабря 1644 г.: «Князь Осип заставил нас, сирот твоих, зимою в лютые морозы себе двор ставить. И мы, государь, ему всю зиму двор ставили, и многие люди на той ево работе руки и ноги познобили и оттого в конец погибли» [12. С. 106, 111]. О.И. Щербатый заступил на томское воеводство не с 1645 или 1646 г., как указывают разные авторы [см. об этом подробнее: 3. С. 102], а в 1644 г.¹

¹ В изданной в 2005 г. книге «Власть в Сибири: XVI – начало XX в.» [18] даны неточные даты воеводства братьев Щербатых. А.П. Павлов указал, что Дмитрий Иванович Щербатый занимал должность томского воеводы в 1644–1645 гг. и умер в Томске в 1645 г. [18. С. 448]. Это противоречит сведениям из «Книги записной», на которую А.П. Павлов не ссылается: «В Томском городе во 152 году воевода князь Димитрий Иванович Щербатый и приехав в Тобольской того же году и умре» [19. С. 38; курсив мой. – М.Ч.]. 7152 году соответствует 1643 г. (с сентября по декабрь) и 1644 г. (с января по август). Видимо, князь Дмитрий, не доехав до Томска, умер по дороге. Срочно назначается другой воевода – его брат Осип (Иосиф): «И во 153 году на его место в Томской наехал на воеводство князь Иосиф Иванович Щерба-

Сам он писал об этом: «А в прошлом ... во 153 г. послан я ... на твою государеву службу в Сибирь в Томской город, а велено мне ... быть в Томском воеводою» [13. С. 96] (В то время год начинался не с января, а с сентября). Сроки постройки воеводского двора позволяют не только уточнить время заступления на службу О.И. Щербатого, но, главное, указывают на факт расположения его двора в старом городе, когда до возведения нового городского центра оставалось ещё около трёх лет.

Заключение о размещении двора О.И. Щербатого в старом городе имеет принципиальное значение: привязка воеводской усадьбы к объектам, отмеченным уже в связи с томским бунтом 1648 г., позволяет локализовать и город.

Важное, хотя и косвенное, подтверждение версии о первоначальном месте г. Томска содержится в письменных документах, рассказывающих об одном эпизоде бунта 1648 г., где упоминается воеводская усадьба князя О.И. Щербатого.

В упомянутом эпизоде события разворачивались следующим образом. Представитель архиепископа Сибирского и Тобольского десятильник Иван Коряков 1 мая 1648 г. объявил прихожанам Воскресенской церкви о нарушении церковного чина и даже царских прерогатив со стороны воскресенского попа Пантелеймона, служившего молебн в честь именин дьяка Бориса Патрикеева после вечерни: «молебны не поютца простым людем после вечерни..., а поютца молебны на твой государев ангел и государские праздники», а «оне не в чин и не свойскую меру затевают». Б. Патрикеев и поп Пантелеймон были ярыми врагами князя О.И. Щербатого. Когда И. Коряков, сделав заявление о незаконности молебна, покинул поздно вечером Воскресенскую церковь, на него напала вооружённая палками группа прихожан, возглавляемая холопами дьяка Бориса. И. Корякову повезло унести ноги: дело происходило *близ двора князя Осипа* (курсив мой. – М.Ч.), где всегда дежурил сильный мирской караул, позволивший десятильнику укрыться от нападавших на дворе кня-

тый, брат князь Димитриев родной» [19. С. 38]. Сам князь Осип пишет: «во 153 г. послан я ... быть в Томском воеводою» [13. С. 96]. 7153 году соответствует 1644 г. (с сентября по декабрь) и 1645 г. (с января по август). М.О. Акишин начал воеводство Осипа Ивановича Щербатого в Томске обозначил 1646 г. [18. С. 449, 450]. В списке использованных им источников есть общая ссылка (без указания страниц) на монографию Н.Н. Покровского [12]. Однако в опубликованных Н.Н. Покровским крестьянских челобитных, перечисляющих злоупотребления воеводы, сообщается, что князь Осип велел себе двор ставить в страдное время, с 1 сентября по 25 декабря 1644 г., и «у кого было сеяно хлеба, и тот наш хлеб пошел под снег». В 1645 г. О.И. Щербатый приказал сделать мельницу также в «страдное время, в которое сена косят и хлеб снимают» [12. С. 111]. Таким образом, до 1646 г. князь Осип Щербатый не только заступил на воеводство, но развернул активную деятельность и успел настроить против себя значительную часть томичей.

зя [12. С. 220–221]. Таким образом, воеводский двор, поставленный О.И. Щербатым в 1644 г. в старом городе, находился неподалёку от Воскресенской церкви, стоявшей где-то в районе пересечения нынешних улиц Октябрьский взвоз, Октябрьская, Пушкина. А значит, город первой половины XVII в. с воеводской усадьбой размещались, вероятнее всего, на северо-западном мысе Воскресенской горы (рис. 2).

В пользу предположения о первоначальной локализации Томска на указанном месте свидетельствует, во-первых, выявленный здесь в ходе шурфовки культурный слой мощностью более 1 м, что указывает на длительность его формирования. Во-вторых, оценка ландшафта, в котором северо-западный мыс был одной из высотных доминант, что отвечало стратегическим требованиям, а также геоморфологические особенности, способствующие образованию пойменных болот вдоль склонов второй и третьей надпойменных террас Томи, в том числе и у подножия этого мыса. Болотные массивы, не сохранившиеся в настоящее время, могли быть уничтожены при засыпке или осушении в ходе застройки, либо находятся в погребённом состоянии [20. С. 141–148]. Подпадает северо-западный мыс и под географические ориентиры «Росписи» 1627 г., и под описание 1631/32 г.: «Рву... круг города и острогу нет, потому что город и острог и стоит на высоком месте с три стороны круто, а с четвертую сторону пришлось ровное место» [6. С. 129].

В новом кремле, уже на южном мысе Воскресенской горы, воеводский двор появляется, видимо, не ранее 1667 г., судя по письменным репликам, опубликованным А.А. Люцидарской [21. С. 40, 41] и учтённым при датировке археологизированного усадебного комплекса [3. С. 39]. Затягивание строительства нового воеводского двора на 20 лет обуславливалось рядом обстоятельств.

После Томского восстания 1648–1649 гг. несколько лет велось следствие. Ни Москва, ни сменявшие друг друга в Томске воеводы не желали раздражать и без того взбудораженный томский мир. Строительство же новой воеводской резиденции, к которому привлекли бы горожан, обостряло ситуацию: слишком свежи были в памяти события, не остыли чувства, не забылись обиды. К тому же не было неотложной нужды, ведь в 1644 г. О.И. Щербатый поставил двор, пусть и в старом городе. Нельзя исключить действие психологического фактора в сложившейся обстановке, когда глава города (кто бы ни назначался на эту должность после восстания) был вынужден ходить «на работу» в но-

вый кремль со своего подворья из прежнего центра. Это можно рассматривать как своего рода моральное возмещение неудовлетворённости основной массы томичей, вызванной позицией Москвы, не разделившей отношение и оценки восставших к ненавистному воеводе О.И. Щербатому. Со временем удаленность резиденции воеводы от центра порождала очевидные организационные неудобства, становившиеся всё более обременительными. Через 20 лет, когда страсти утихли, можно было обязать горожан заняться постройкой воеводского двора в новом кремле.

Не может быть принята и легковесная, отражающая непонимание исторического контекста, оценка причины, по которой не стали строить город в 1604 г. на южном мысе Воскресенской горы – из-за расположенного здесь татарского могильника. Суждение о том, что вопрос о старых могильниках в те времена не имел скольконибудь важного значения для русских пришельцев, аборигенов, царской администрации [7. С. 97, 98], не согласуется с историческими реалиями.

Здесь не место для подробного разбора нагромождения отдельных примеров, приведённых вне связи с конкретно-исторической ситуацией. Отмечу, что повсеместно распространённая практика устраивать кладбища около церквей свидетельствует не об отсутствии у русских «трепета» к своим могилам, а об обычае, закреплённом традицией, за которым стоит особое отношение к пространству некрополя, вдвойне сакрального в случае его близости к культовому объекту. Вот как писал об этом протоиерей Д.Н. Беликов, ссылаясь на материалы Троицкого синодика XVII–XVIII вв.: «Согласно старорусскому, отменённому в течение XVIII в., обычаю погребения около церквей многие из томских служилых людей хотели по смерти похорониться именно около первого из томских храмов – близ особенно почитаемого соборного храма св. Троицы» [17. С. 7]. И после официального запрета в 1771 г. устраивать кладбища в городской черте ввиду тесноты и из санитарных соображений продолжали хоронить на церковных кладбищах в течение XIX в., хотя и заметно меньше. Типичную в этом отношении картину дают материалы раскопок иркутских некрополей [22. С. 275–282].

Хоронили родственников около жилищ вплоть до начала XX в., что этнографически зафиксировано, например, у русских Поморья [23. С. 461]. Делали закладные погребения, подобно захоронению младенца в основании башни Умревинского

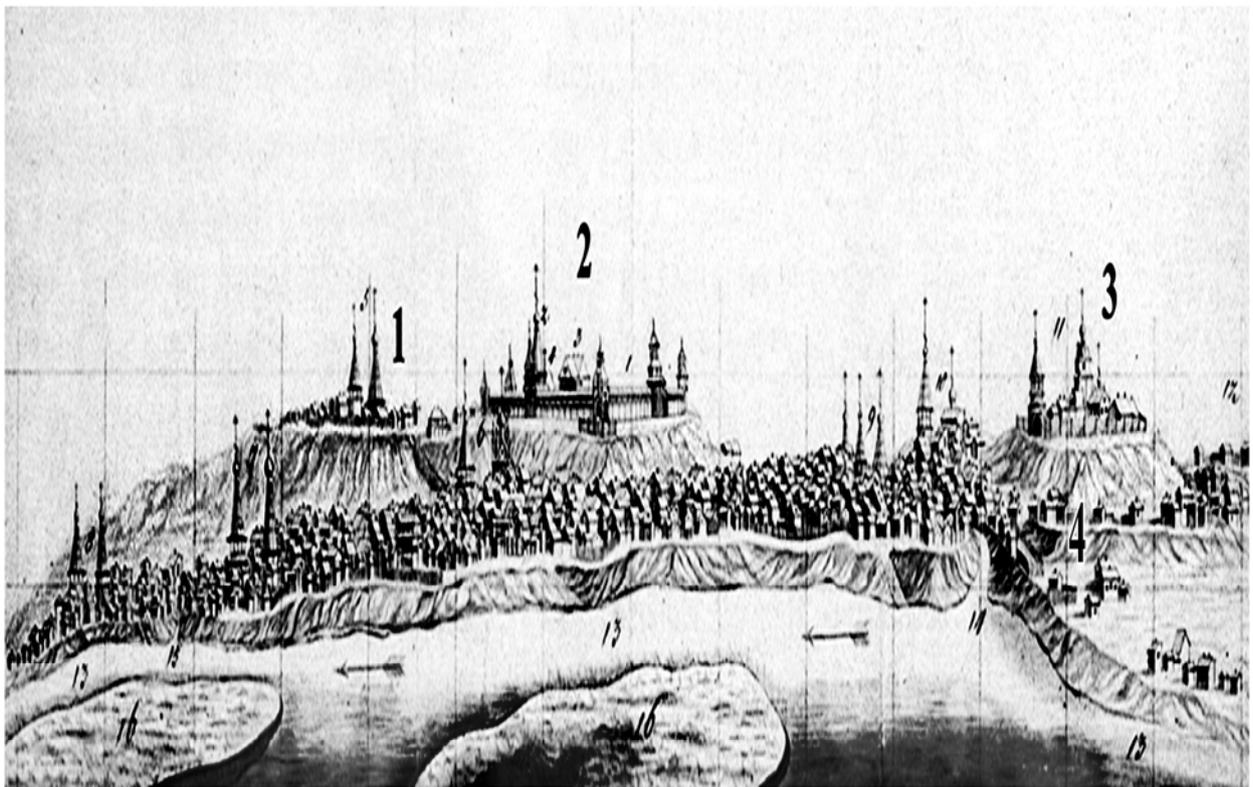

Рис. 3. Панорама Томска И.-В. Люрсениуса (1734–1740 гг.) [ААН. Ф. 21, оп. 5, д. 39/45]

Высотные доминанты города: 1 – северо-западный мыс Воскресенской горы с Воскресенской церковью; 2 – южный мыс Воскресенской горы с кремлем 1648 г.; 3 – Юрточная гора с Богородице-Алексеевским монастырем; 4 – высокие берега в устье р. Ушайки

острога [24. С. 193, 199]. Всё это сакрализовало обитаемое пространство, делало его более защищённым и безопасным¹.

Категоричное суждение о том, что вопрос о старых могилах «в те времена не имел сколько-нибудь важного значения», потому якобы и в царских наказах и грамотах об этом ни разу не говорилось [7. С. 97, 98], проистекает из устаревшего клише «покорения Сибири русскими», наполненном «убийствами, коварством, насилием над людьми и их верованиями» [7. С. 97].

Характер русской колонизации определяется её созидательным содержанием, неизбежные трудности, конфликты лишь подчёркивают доминирующую силу этого начала. Это обеспечило главный результат – превращение Сибири в неотъемлемую, органичную часть Российского государства. Совместными усилиями и положительной

в своей основе заинтересованностью главных участников процесса: государства и русских переселенцев как в расширении государственной территории, так и в её этнокультурном освоении, а сибирских аборигенов – в надёжном, а потому престижном покровителе, доказавшем свою силу и превосходство – был создан не только новый историко-культурный облик Сибири, но рождалась новая Россия как евразийская держава с новыми возможностями и перспективой развития.

Потому и звучит в царском наказе Бориса Годунова о строительстве «в Томи» города общая для установления отношений с аборигенами формула: «Чтоб им ни от кого насильства и обиды некоторые не было, и ясака с них до своего государева указу имати не велели, а велели их беречи и льготить во всем...» [25. С. 42]. Частным выражением «береженья» от «насильства и обиды» выступают меры по пресечению кладоискательства, что звучит, например, в грамоте 1610 г. берёзовским воеводам (РИБ, II, № 91) с запрещением раскапывать могилы инородцев. За кладоискательство «нешадно» били батогами. В 1769 г. вышел запрещающий указ, «дабы никто под жестоким на-

¹ Модернизированный вариант сакрализации территории, где находятся захоронения, представляет Московский кремль, у стен которого особенно торжественно погребали наиболее видных деятелей государства (самый яркий пример – мавзолей с телом В.И. Ленина), науки и культуры. Здесь сакрализация носит светский характер и направлена на повышение престижа страны внутри и за пределами.

казанием в степь для бугрования не ездил». Прав был И.М. Мягков, когда писал, что забота Московского правительства об охране старых могил проистекала из стремления не возбуждать недоброжелательства инородцев [26. С. 164].

Конечно, не будь «бугровщичества», не было бы и ответа на это явление в виде запрещающих грамот и указов. Но важен факт проявления политической воли на высшем уровне и стремление к её реализации, в том числе в виде публичных наказаний за нарушения.

Основатели Томска, в первую очередь В. Тьрков, возглавлявший дипломатическую миссию по переговорам о принятии эуштинцами русского подданства, проявили себя дальновидными политиками, отказавшись застраивать татарский могильник. Именно для того, чтобы выполнить царский наказ, суметь закрепиться на берегах Томи, обезопасить по возможности свои жизни, они не стали поступать как «покорители», завоеватели, которые не останавливаются перед нанесением «обид и теснот», не заботятся о духовных интересах местного населения. Русским нужно было закрепить начальный успех и обосноваться на новых землях «всерьёз и навсегда», что было основной целью и сутью колонизации.

Что касается того, что «несколько старых татарских могил» не помешали впоследствии выстроить на них воеводский дом [7. С. 98], то это отражение исторически обусловленной динамики конкретной ситуации: за более чем 40 лет сменились административно-политические приоритеты, соотношение сил, композиция городской застройки, сровнялись с землёй могильные холмики, возможно, ушла в небытие память о некрополе. Происшедшие изменения сделали возможным, пусть и с разногласиями, размещение в 1648 г. на южном мысе нового кремля.

Застройка старых кладбищ по мере расширения селитебной территории, как и появление некрополей на заброшенных поселениях¹, – это диалектика жизни и диалектика исторического процесса.

Пока же приходится констатировать, что вопрос о месте основании Томска остаётся открытым.

В статье рассмотрены три версии о возможном местоположении Томска в 1604 г.: 1) на южном мысе Воскресенской горы (идущая от Г.-Ф. Миллера), 2) на северо-западном мысе Воскресенской горы (М.П. Чёрная), 3) на юго-восточном отроге южного мыса Воскресенской горы (А.И. Попов, Г.В. Волков, Н.М. Дмитриенко). Можно добавить, что более ранний Томск, поставленный в 1601 г. «острогом по Томе реке, вверх от Оби реки, на горе над Ушайкою речкою» [19. С. 8]², мог находиться в самом устье Ушайки (рис. 3). Не самая лучшая площадка для размещения города, но и не худшая. Маленький острожек на одном из довольно высоких берегов Ушайки при таком расположении защищали две реки. Были и более высокие доминанты (Воскресенская и Юрточная горы). Однако выбор места определялся разными обстоятельствами и не всегда в пользу высоких участков, например, Кузнецк построили в низине и только в XVIII в. подняли крепость на гору. Близость к реке могла стать определяющей причиной для немногочисленных обитателей укрепления над устьем Ушайки, временный характер которого был обусловлен нерешённостью вопроса о вхождении местных татар-эуштинцев в состав Российского государства. Соответственно, у этого опорного пункта по разведыванию земель и установлению отношений с аборигенами не было и официального статуса, хотя во временном укреплении уже «сидел» воевода. Не знали служилые люди, сможет ли «посланный из Тобольска тобольской сын боярской Василей Фомин сын Тьрков», который «проведывал и острог ставил» [19. С. 18], «полюбовно» договориться с князьком Тояном, который несколько лет взвешивал и колебался в выборе более сильного покровителя для своего народа «числом в 300 человек». А если нет? Близость, прежде всего, Томи как главной водной артерии давала шанс на спасение горстке томичей-землепроходцев в случае крайнего обострения ситуации.

Предложенные варианты в разной степени обоснованы как по объёму привлечённых данных, так и методически. Явный дефицит источников не позволяет сегодня получить точный ответ на вопрос, где размещался Томск в 1604 или 1601 г. Однако

¹ Приведу в качестве примера два памятника, из изученных недавно: сельское поселение Изюк XVII–XVIII вв. в Прииртышье, на котором стали хоронить, как только это стало возможным [27], и Умревинский острог XVIII в. в Новосибирской области – после запустения острога его территорию заняли под некрополь [28]. Причём эта практика не имеет сугубо сибирской/российской привязки: к примеру, место бывшего некрополя Мариакского костёла в Кракове заняла самая большая в Западной Европе Рыночная площадь. Примеров диалектической сменяемости как некрополей поселенческими комплексами, так и наоборот, можно привести множество.

² Утверждение, что в «Книге Записной» неверно указана дата основания Томска [8. С. 342], упрощает реальную историческую ситуацию. В «Книге Записной», которая представляет раннюю редакцию не дошедшего до нас протографа сибирского летописного свода, нашёл отражение один из этапов русского освоения Томской земли – до официальной даты основания Томска в 1604 г.: постройка «Томского города острогом» в 1601 г. в ходе организованной тобольским воеводой Ф. Сабуровым дипломатической миссии во главе с В.Ф. Тьрковым. Этому острогу предшествовал временный разведовательно-перевалочный пункт, поставленный в 1593–1594 гг. [29. С. 35–57; 30. С. 57–63; 3. С. 88].

расширение источниковой базы не единственная задача, хотя и насущная. Необходимо учитывать специфику пространственного отображения в разных источниках. В археологизированном виде пространственные координаты представлены предельно конкретно, но требуется доказательная идентификация раскапываемых объектов в смысле их принадлежности первоначальному городу. Письменные источники, называя объект, не дают точных данных для его пространственной локализации. Чертежи XVII в. привязывают город на местности, но схематично, условно, без точных измерений, масштаба, математического обоснования, без ориентировки по сторонам света.

Чтобы получить проверяемую достоверную информацию, нужно делать перекрёстный анализ источников. Коррелирующий синтез источников и вписанность любой научной реконструкции в «живой» контекст прошлого дают верный методический подход в поиске местоположения конкретного города и в решении общей проблемы локализации памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев Л.А.* Персональная идентификация погребений и археология // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2008. Т. II. С. 424–427.
2. *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря в XVII – начале XX века: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник, Институт археологии РАН, 2011.
3. *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 187 с.
4. *Чёрная М. П.* Средневековый Томск в исторической ретроспективе и перспективе // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Труды. Сер. Историческая / Том. гос. ун-т. 2005. Т. 267. С. 13–19.
5. *Петров Н.М.* Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Труды / Том. обл. краевед. музей. 1956. Т. 5. С. 59–78.
6. *Волков Г.В.* Место расположения первой томской крепости // Теория и практика развития в художественных музеях Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 2005 с. 127–130.
7. *Дмитриенко Н.М.* К вопросу о месте основания г. Томска // Вестник ТГУ. Серия «История». Томск, 2010. № 2 (10). С. 91–108.
8. *Дмитриенко Н.М.* К вопросу о месте основания Томского города (возвращаясь к первоисточникам) // Документ как социокультурный феномен. Томск, 2010. С. 342–345.
9. *Полов А. И.* Томск. М.: Гос. изд-во лит. по строит. архитектуре и строит. материалам, 1959. 133 с.
10. *Из истории земли Томской:* Сб. док. и материалов. Томск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. 224 с.
11. *Оглоблин Н.Н.* К истории Томского бунта 1648 года // Чтения в обществе истории древностей российских. М., 1903. Кн. 3. (206). С. 3–30.
12. *Покровский Н.Н.* Томск в 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.
13. *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 204 с.
14. *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. 255 с.
15. *Курилов В.Н.* Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 87–94.
16. *Майничева А. Ю.* Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 64 с.
17. *Беликов Д.Н.* Старинный Свято-Троицкий собор в городе Томске. Б/г, б/м. 30 с.
18. *Власть в Сибири: XVI – начало XX века.* Новосибирск: Сова, 2005. 696 с.
19. *Книга Записная.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 115 с.
20. *Чёрная М.П., Осинцева Н.В.* Проблема места основания Томска и роль ландшафтной оценки в его выявлении. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 141–148.
21. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 197 с.
22. *Бердников И.М.* Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 275–282.
23. *Дмитриева С.И.* Мезенские кресты // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1984. Л., 1986. С. 461–466.
24. *Бородовский А.П., Воробьёв А.А.* Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 191–202.
25. *Наказ Бориса Годунова Г.И. Писемскому и В.Ф. Тыркову о строительстве Томского города / Опубликовано: Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1953. Вып. 3. С. 21–48.*
26. *Мягков И.* Пути изучения западносибирской археологии и ее проблемы в настоящем // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 162–166.
27. *Татаурова Л.В.* Погребальный обряд русских Средне-го Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.
28. *Бородовский А.П., Горохов С.В.* Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. 244 с.
29. *Резун Д.Я.* К истории «поставления» городов и острогов Сибири // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1981. С. 35–57.
30. *Полевой Б.П.* Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 57–63.